

Jesenšek, Marko

Иной взгляд на историю словенского литературного языка

Slavica litteraria. 2016, vol. 19, iss. 2, pp. 99-119

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/SL2016-2-9>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/136198>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Иной взгляд на историю словенского литературного языка

Марко Есеншек (Марибор)

Аннотация

Словенский литературный язык до середины 19-го века имел две литературные нормы: центральную и восточнословенскую. (1) Центральная литературная норма появилась в 16-м веке во время протестантизма и называлась Краинский язык, которого сформировали Трубар, Крель, Далматини, Бохорич. На этом языке писали так же авторы из приморского региона Словении, Корошкой и Среднештаерской области. (2) Восточнословенский литературный язык был создан в 18-м веке. У него было два варианта – прекурский язык характерный для области между Мурой Рабо, и восточноштаерский язык используемый в районе между реками Драва и Мура. Оба языковых варианта развивались изолированно в Австрийском (немецком) и Венгерском регионах. Объединение словенской литературной нормы произошло в середине 19-го века – во время так называемой «весны народов», концепта, который исходил из романтического понимания нации и языка так называемого новословенского или единословенского литературного языка.

Ключевые слова

история словенского языка; центрально-словенский и восточно-словенский литературный язык; единый словенский литературный язык; краинщина, прекурщина

Abstract

Alternative View on the History of the Slovenian Literary Language

Until the middle of the nineteenth century the Slovenian literary language had two norms: Central and Eastern-styrian. (1) The Central literary language occurred in the sixteenth century in the epoch of Protestantism and was called Carniolan language, formed by Trubar, Krelj, Dalmatin and Bohorič. The same language variety was used by the authors from the Primorska region of Slovenia, Koroshka region and Central Styrian. (2) Eastern-styrian literary language was formed in the eighteenth century and had two varieties – Prekmurian language used in the region between Mura and Raba and Eastern-styrian used in the region Drava and Mura. Both linguistic varieties were developing separately in the Austrian (German) and Hungarian regions. The unification of the Slovenian literary norm occurred in the middle of the nineteenth century – in the times of the so called “spring of a nation”, a concept related to the romantic idea of the nation and the language, Newslovenian or unified Slovenian literary language.

Key words

the history of the Slovenian language; Central Slovenian and Eastern Slovenian literary language; unified Slovenian literary language; Carniolan language; Prekmurian language

Введение

Традиционный взгляд на историю словенского языка признает Приможа Трубара основателем литературного словенского языка. Считается, что его первые книги изданные в 1550 году «*Abece dnik*» и «*Katekizem*» положили начало развитию словенского языка, так же как и грамматика Бохорича в свое время стала первой грамматикой словенского языка, перевод Библии Далматином в 1584 первым переводом «*Библии*» на словенский литературный язык, а весь турбулентный час 16-го века считается периодом рождения словенского литературного языка. Это является отражением единой словенской литературной нормы, которая появилась в период протестантизма. Этот литературный язык был сформирован как «над-диалект» горенсой, доленской, а так же городской речи, которая появилась во времена Трубара. На протяжении веков и до сих пор этот язык сохранил свои основы в речи Любляны или центральном словенском языковом пространстве, так как Любляна по сути является центром всего словенского. От Трубара до Похлина, до Чопа и Прешерна центральный краньский литературный язык стал узнаваемым и нормативные пан-словенским коммуникативным средствами распространился на всю Словению, в то время как другие региональные языковые версии (например прекмурская, корошкая, восточно-штаерская, прибрежная) такой высокий социальный статус не получили.

Другой взгляд¹ на историю словенского литературного языка показывает, что словенский язык до середины 19-го века не был однородным. Речь идет о двойном развитии² – в Центральной и Восточной языковых областях – в первой области литературная норма формировалась под сильным влиянием альпийского краньского языка (наравне с корошким, восточно-штаерским и частично прибрежным), а во второй под влиянием панонского прекмурского языка. Краньски литературный язык развивался в рамках немецкого административного и политического господства, а прекмурский литературный язык под влиянием Венгрии. На рубеже 18 и 19 веков под влиянием взаимодействий между австрийскими и венгерскими интересами в регионе между реками Драва и Мура, наравне с обоими словенскими литературными нормами некоторые время пытался занять центральную позицию и восточно-штаерский язык.

Во время «весны наций» центральная и восточнословенская версии литературного языка объединились в новословенский язык и с тех пор мы говорим о существовании единого словенского литературного языка. Объединения

1 OROŽEN, Martina: *Prekmurski knjižni jezik*. In: Prekmurska slovenska slovnica, Vend nyelvtan. Ed. Marko Jesenšek. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, 2013, s. 413–428; OROŽEN, Martina: *Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996; OROŽEN, Martina: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996; JESENŠEK, Marko: *Poglavja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika*. Maribor: Filozofska fakulteta, Mednarodna humanistična knjižna zbirka Zora, t. 90, 2013.

2 JESENŠEK Marko: *Dvojnični razvoj slovenskega jezika v alpskem in panonskem jezikovnem okolju*. In: *Studia slavica*, 2011, č. 15, s. 193–201.

стало возможным по социо-лингвистическим причинам, так как идея общего языка в середине 19-го века, явилась главным условием объединения словенцев и возникновении идеи о независимом государстве. До этого, на словенской территории до середины 19-го века существовали две литературные нормы: центрально-словенская или крањская, восточно-словенская или прекмурская, а так же восточно-штаерская. Первая сформировалась в 16 веке под влиянием словенских крањских протестантов Приможа Трубара, Себастьяна Креля, Юрия Далматина, Адама Бохорича; а вторая в 18 веке под влиянием словенских прекмурских протестантов Ференца Темлина, Михаэля Севера, Стевана Кузмича, а так же в первой половине 19-го века под влиянием прекмурских католиков Миклоша Кузмича, Джозефа Косича, и позже Йожефа Боровняка и восточных католических писателей Петра Дайнко, Антона Шерфа и Вида Рижнера. Двойственность словенской литературной нормой является последствием Альпийского (Карантийского) и Панонского культурного, исторического, языкового и географического влияния. Центральный крањский словенский литературный язык сформировался в Альпийском, Восточно-словенском регионе, а прекмурский и восточно-штаерский в Паннонской области.

В начале были Бржинские рукописи

Бржинские рукописи всегда упоминаются в первую очередь, когда речь идет о словенском языке, который был в начале первого тысячелетия еще единым, а затем начал развиваться в двух отдельных направлениях в Альпийском и Паннонском регионах. Это корни, из которых потом возникли центральный и восточно-словенский (литературный) язык, так называемая крањский язык Трубара, прекмурский язык Кузмича и восточно-штаерский язык Дайнкова. Бржинские рукописи не содержат диалекта, в то время как более поздние словеские рукописи уже сильно диалектально дифференцированы: (1) рукописи «*Rateški rokopis*» окрашены горенским и корошским диалектом (2) рукопись «*Stiški rokopis*» доленским, (3) а в рукописи «*Starogorski rokopisy*» же появляются первые знаки языковой унификации, то есть «над-диалекта», который является приемлемым для общения на широкой территории Словении. Старогорские языковые решения еще до создания центрально-словенской литературной нормы показали, что если мы словенцы хотим иметь единую литературную норму, то она должна подняться над диалектом.

Начало центрально-словенского литературного языка

Центрально-словенский литературный язык является той формой словенского языка, которую мы знаем со времен Трубара, Креля, Далматина и Бохорича. Трубар впервые употребил эту языковую форму в своем в «*Katekizmu*» и «*Abecedniku*»

(1550). Он сознательно решил, что не будет употреблять диалекта. Для того, чтобы тексты были понятны как можно более широкому кругу читателей, Трубар выбрал так называемую «над-диалектальную» форму доленского и гореньского языков, а так же Люблянской речи, так как Любляна уже начали развиваться в культурный и административный центр. В предисловии «*Katekizem*» посвящен «всем словенцем», которых Трубар назвал «*молодыми и простыми людьми нашей страны.*»³ При выборе языковой формы Трубар не мог остановиться только на доленском диалекте его родного села Рашица, так как хотел, чтобы его тексты были понятны и жителям Корошки, Штаерской и Приморской областей. Именно поэтому он остановил свой выбор на той форме словенского языка, которая была морфологически и синтаксически выше диалектальных образований. «*Gospod Trubarjevo kranjščino*» в 1567 орфографически усовершенствовал Себастьян Крель, а достаточно стабильную форму этот литературный язык приобрел в переводе Библии Далматином (1584).⁴ Высокая языковая культура Далматина послужила примером для словенских церковных и светских писателей 17 и 18 веков, так как его «*Библия*» была единственной протестантской книгой, которую во время Контрреформации в Словении не сожгли на костре.

Словенские протестанты в 16-м веке поднялись над диалектом и таким образом узаконили краньский литературный язык, созданный в основном для чтения и понимания «*Библии*» в Центральной области. В области словенского языка и литературы было сделано большие успехи и проделана огромная работа,⁵ что привело к появлению первой словенской печатной книги, а пик был достигнут в переводе «*Библии*». Определенную роль конечно сыграла идея национальной независимости, однако конечно краньский язык в 16 веке еще не был основным языковым средством писателей, которые обучались немецкому, латинскому, греческому, и конечно еще не являлась национальным языком. Норма и правила были расплывчатыми и часто менялись. Уже тогда появилось два различных языковых направления – Трубара и Креля⁶, синхронный и диахронный, живой язык и традиция, употребление живой речи и система. И уже тогда Далматин показал, что необходимо найти золотую середину – язык действительно регулируется система правил, однако они должны исходить из каждодневной живой речи, а также постоянно адаптироваться.⁷

3 TRUBAR, Primož: *Abecedarium vnd der klein Catechismus in der Windischen Sprach = Ane Buquice, is tih se ty mladi inu preprosti Slouenci mogo lahku vkratkim zhasu brati nauuzhiti. Vtih so tudi ty vegshy stuki te kerszhanske vere im ane molytue, te so prepisane od aniga Peryatila vseh Slouenzou.* Gedruckt in Sybenburgen [i. e. Tübingen] : durch Jernei Skuryaniz, 1550.

4 MERŠE, Majda: *Slovenski knjižni jezik 16. stoletja.* Ljubljana: ZRC SAZU, 2009.

5 АНАЧИЋ, Kozma: *Zgodovina misli o jeziku in književnosti na Slovenskem: protestantizem.* Ljubljana: ZRC SAZU, 2007.

6 OROŽEN, Martina: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika.* Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996, s. 170–187.

7 JESENŠEK, Marko: *Razvojno-zgodovinska dinamika slovenskega jezika.* In: *Filologija i univerzitet: tematski zbornik radova.* Ed. Bojana Dimitrijević. Niš: Biblioteka Naučni skupovi, 2012, č. 1, s. 932–943.

Начало восточно-словенского литературного языка

Начало прекмурской литературной традиций было похоже на то, что происходило в Центральной области. Литературно-языковая программа прекмурских протестанты в 18 веке была подобна краньской: первыми печатными текстами стали Катехизис⁸ и Абецедник⁹: основы учения протестантской веры, девять страниц текста с алфавитом и примеров для обучения чтению. Основным достижением прекмурской протестантской литературы является перевод «*Нового Завета*»¹⁰ в 18-м веке. Так же как и Далматинова Библия «*Nouvi zakon*» Ш. Кузмича предложил языковое решения, которым с учетом небольших изменений следовали все католические и светские писатели Прекмурья до конца 19-го века, а в публицистике эти правила не менялись до конца второго десятилетия 20-го века. Прекмурский литературный язык, называемый также как «*чистым*» или «*старым словенским языком*»¹¹ в 18 веке, наравне с кайкавским языком которого также называли «словенским языком», развился в над-диалектальное формирование равенской и горишкой речи. Это похоже на развития в центральном языковом пространстве в 16 века, при том что в прекмурском литературном языке в 19-м и 20-м веках начали появляться долинские фонетические характеристики, когда прекмурский язык уже начал приобретать статус диалекта.¹² Языковая форма прекмурского литературного языка был архаизированав первую очередь в словарном запасе, в синтаксисе и морфологии, но также учитывала и некоторые оригинальные решения из области слованского Паннонского региона.

Таким образом этот литературный язык после протестантов Михала Бакоша и Михала Барла нашел подтверждение и в католических текстах. Так к примеру Миклош Кузмич стандартизировали литературный прекмурский язык, и распространили его с помощью широко читаемых книг, среди них, например М. Кузмичев «*Szveti evangelyelioni*» (1780) или наиболее часто переизданая «*Knjiga molitvena*» (1782), но пик достигается в национально значимых работах Джозефа Кошице, «*Zobrisan Szloven i Slovenka med Mürov i Rabov*» (1845–1848) или «*Zgodbe vogerszkoga kralesztva*» (1848), в которых Миклош Кузмич достиг наиболее высокого литературного уровня прекмурского языка и по выразительности и стилистическим характеристикам наиболее приблизил его литературной норме. Последовало формирование и профессионального языка, например «*Prirodopis s kepami za narodne šole*» Имре Агустича (1878), а так же языка публицистики например Августичев «*Prijatelj*» 1875–1878 и «*Klekloue Novine*» с 1913 года. В газетах и учебниках появились

8 TEMLIN, Ferenc: *Mali Katechismus*. V Saxoniii v meszti Halle, 1715.

9 NN: *Abecedarium Szlovenszko, za Drobnio Detzo, von fšzpüscheno*. V leti 1725.

10 KÜZMIČ, Števan: *Nouvi zakon ali testamentom goszpodna nasega Jezusa Krisztusa zdaj oprvics zgrszkoga na sztári szlovenszki jezík obrnyeni po Stevan Küzmicsi surdanszkom*. F. v Halli Saxonskoj, 1771.

11 Ibidem (Küzmič, 1771 = »na sztári szlovenszki jezík obrnyeni«; Temlin, 1715 = »fztákvov pálkov, zkákvov fzem naibole mogau, fzem na csifzti fzlouenfzki jezík prelofo«.

12 JESENŠEK, Marko: *Razvojno-zgodovinska dinamika slovenskega jezika*. In: Filologija i univerzitet: tematski zbornik radova. Ed. Bojana Dimitrijević. Niš: Biblioteka Naučni skupovi, 2012, č. 1, s. 932–943.

также первые литературные тексты, а именно литературные переводы, а так же короткие авторские литературные попытки, которые опирались на языковую традицию Штефана Кузмича и стилистические возможности, впервые представленные в литературном языке Миклошичем Кузмичем и Джозефом Кошицей. Литературные попытки появились и в первые десятилетия 20-го века, вплоть до того когда, после присоединения Прекмурья к Словения прекмурский литературный язык постепенно стал уступать единой словенской литературной норме.

Панонский словенский язык с появлением словенского прекмурского литературного языка официально приобрел независимый статус и отделился от так называемой паннонских славянских языков, из которых лишь кайковский язык сохранила статус литературного языка до начала 18-го века, в то время как восточно-словенский язык не употреблялся в прекмурских церквях, где служили священники, получившие образование в Загребе и Вараждин, которые во время служения использовали Кайкавский язык и Кайкавский лекционарий, например Крајаševičeve *«Szveti evangeliomi»* (1615).

Словенцы в Прекмурье не потеряли своего чувства языка, только паннонский кайковский язык был им ближе, чем центрально-словенский литературный язык Далматиновой *«Библии»*, основанной на традиции так называемого альпийского словенского языка. Важно, что в словенском Паннонском языковом регионе все время подсознательно сохраняется контроль словенских паннонских норм, так что кайкавский язык по сути являлся лишь заменой литературному языку в церкви, но никогда не заменял прекмурского языка в других речевых ситуациях. Несмотря на употребление одинакового языка в церкви паннонские словенцы никогда не отождествляли себя с кайкавцами, поэтому и не случилось языковой ассимиляции и кайкавский язык не смог стать главенствующим языком. В 1777 году была основана Сомботельская епархия, которая объединила всех словенцев в Прекмурье, и, таким образом, формально закончилось влияние кайкавского языка в церкви и церковной печати.¹³

Двойное развитие словенского литературного языка

Центрально-словенский литературный язык в Альпийском регионе был стандартизирован в 16 веке Приможем Трубаром, восточно-словенский в 18 веке в Паннонской области Штефаном Кузмичем (прекмурская языковая версия), а Петер Дайноком стандартизировал восточно-штаерскую языковую версию. Интересно, что и центрально-словенский и восточно-словенский (Прекмурье) литературные языки, были аналогично стандартизированы и похоже развивались – оба образовались как *«побочный продукт протестантизма»*¹⁴. Протестант Трубар стандартизировал язык подняв его над диалектами – связав доленьскую

13 Ibidem.

14 RAJHMAN, Jože: *Prva slovenska knjiga v luči teoloških, literarno-zgodovinskih, jezikovnih in zgodovinskih raziskav*. Ljubljana: Partizanska knjiga, 1977.

гореньскую речь в «над-диалектальную» норму включив и элементы зарождающейся городской речи Любляны. Из этих основ развился центрально-словенский литературный язык. Точно так же только двести лет позднее, словенский язык развивался среди протестантов в Прекмурье. Литературный язык стандартизировался поднявшись над диалектом, так как протестанты не приняли только равенского и горичкого диалекта, но решились на введение языкового новообразование, которое фонологическая и морфологическая происходит из Порабского, Горичкого и Равенского регионов, а синтаксически стоит над диалектом. В текстах Штафана Кузмича это отображается в виде твердо установленной языковой нормы, которая также вобрала в себя языковые образцы предшествующих текстов, то есть Телиновый «*Mali Katechismus*» (1715), «*Abecedarium szlovenszko*» неизвестного автора (1725) и «*Red zvelicsansztva*» (1750) Ш. Кузмича.

Так же как и в центральной области, в словенском Восточно-паннонском регионе первыми появились катехизис и азбука—людей нужно было научить читать и дать им основные учения новой веры. Язык был главным оружием протестантов, а стандартизация языка является наиболее значимым последствием протестантизма. Хотя в Прекмурье в 17-м и 18-м веках знали «Библию» Далматина, в церкви и дома она не использовалась. Краньский язык был так далеко от языковой реальности в словенском Паннонском регионе, что выбор был сделан в пользу альтернативного языка, это кайкавский язык, который является одним из трех наиболее родственных паннонских языков (хорватский кайковский, словенский прекмурский и восточно-штаерский). Так как кайковчани уже имели свои священные писания, а кайкавский язык уже стал общепризнанным литературным языком протестантов в Прекмурье – с прагматической точки зрения – паннонской кайкавский язык был ближе и понятнее, чем центрально-словенский альпийский. Что и послужило поводом для разделение между двумя словенскими языковыми формами и (видимой) конвергенции двух языковых норм в Паннонской области. Это усугубило различия между словенским Паннонским и Альпийским регионами, однако кайкавский язык никогда не утвердился в качестве литературного языка у прекмурских словенцев. На протяжении двух столетий это был лишь язык церкви, и как только появляется такая возможность, то разница между словенским прекмурским языком и хорватским кайковским языком особо подчеркивался. Штефан Кузмич в своем переводе Нового закона красиво написал, «*Nouvi zakon zdaj oprvič z grčkoga na stari slovenski jezik obrnjeni*». Это означает, что прекмурцы называли свой язык «старый словенский» поскольку кайковцы еще в 18 веке называли свою кайкавский язык «словенский язык». Прекмурский переводчик «Библии» знал, что кайкавский язык не является «словенским языком» и указала на существенную разницу употребив выражение «старый словенский язык». При этом, однако, мы также сталкиваемся с разницей между центральным- и восточнословенскими языками.

Основной тип словенского литературного языка быстро менялся под влиянием изменений в диалектах и все более терял связь с Бржинскими рукописями. Прекмурский литературный язык оставался архаичным и более тесно связан

с Бржинскими рукописями. Сохраняется богатыедеепричастные конструкции на *-ши* и *-ч* (на словенском на *-šim -č*), (*ustopišči, rekoč*), Паннонский способ отрицания, различие между неопределенной формой глагола и деепричастными оборотами глаголов движения, выражение пассива с *-se*, которое было утеряно в основной языковой форме. Из-за архаичности прекурского литературного языка мы не можем говорить ни об едином словенском литературном языке, который все это время развивался в центральной части Словении, ни о языковом отделении в северо-восточном регионе. Эти выводы последнее время занимают важное место в истории словенского языка.¹⁵ Думаю, что мы словенские лингвисты наконец-то пришли к выводу, что у нас есть два типа литературного языка, которые возникли в Альпийском и Паннонском языковых регионах.¹⁶

Такие взгляды на историю словенского литературного языка дополняют традиционные исследования, в основе которых лежат например взгляды Риглера на аспекты языка и то, что во внимание он принимал прежде всего «центральных» авторов.¹⁷ Предшественники Риглера и его современников были родом преимущественно из центральной части: горенцы, доленцы, люблянцы, которым восточная часть Словении была плохо известна. Языковые вопросы столь важные для Штаерского, Прекурского и Порабского регионов им были чужды и поэтому идея центра (слишком) сильно подчеркивалась. Иные взгляды на историю развития языка представили только Вратуша,¹⁸ Новак,¹⁹ Гривец,²⁰ Шкафар,²¹ Смей,²²

15 NOVAK, Vilko: *Izbor prekmurskega slovstva*. Ljubljana: Zadruga katoliških duhovnikov, 1976; OROŽEN, Martina: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996; SMEJ, Jožef: *Je prekmurščina knjižni jezik ali narečje?* In: *Globinska moč besede*. Ed. Marko Jesenšek. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta Univerza v Mariboru, 2011, s. 26–31; JESENŠEK, Marko: *Poglavja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta Univerza v Mariboru, 2013.

16 OROŽEN, Martina: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996.

17 RIGLER, Jakob: *Začetki slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1968.

18 VRATUŠA, Anton: *Jezikovne razmere v severnem Prekmurju in slovenskem Porabju*. Slovenski jezik 2, 1939, s. 213–228; VRATUŠA, Anton: *Jezikovne razmere v severnem Prekmurju in slovenskem Porabju*. In: Panonski zbornik. Murska Sobota: Pomurska založba, 1966, s. 20–28; VRATUŠA, Anton: *Jezik «Nouvoga zákona» in «Sveti evangeliomov»*. In: Zbornik Štefana Küzmiča. Gradivo s simpozija od 250-letnici. Pomurska založba: Murska Sobota, 1974, s. 54–75.

19 NOVAK, Vilko: *Izbor prekmurskega slovstva*. Ljubljana: Zadruga katoliških duhovnikov, 1976.

20 GRIVEC, Fran: *Frisingensia I–IV*. Slavistična revija III, 1950, s. 107–124. *Frisingensia V*. Slavistična revija III, 1950, s. 419–420. GRIVEC, Fran: *Frisingensia VI*. Slavistična revija IV, 1951, s. 71–76. GRIVEC, Fran: *Frisingensia VII*. Slavistična revija VIII, 1955, s. 169–182. GRIVEC, Fran: *Frisingensia VII*. Slovo IX–X, 1960, s. 221–222.

21 ŠKAFAR, Ivan: *Bibliografija prekmurskih tiskov od 1715–1919*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1978.

22 SMEJ, Jožef: *Se je Mikloš Küzmič v svojem prevodu evangeliomov res naslanjal na Štefana Küzmiča?* Slavistična revija 45, 1997, č. 3–4, s. 533–544; SMEJ, Jožef: *Nouvi zakon Števana Küzmiča (1771) v luči sodobnega ekumenizma*. Bogoslovni vestnik 64, 2004, č. 2, s. 31–342; SMEJ, Jožef: *O prevodih psalmov v prekmurščino od Martjanske pesmarice II do Puztajjeve pesmarice 1893*. Slavistična revija 53, 2005, s. 211–227; SMEJ,

Ороженова²³ и Есеншек,²⁴ которые включили в историю словенского языка также Паннонскую языковую область и поставили вопросы, связанные со старо-церковнославянским языком и отношениями между прекурским, восточно-штаерским и кайкавским языками.

К сожалению в период после Вторая мировая война, когда по новой начали писать историю словенского языка, людей, которые были тесно связаны с Прекмурьем и Восточной Словенией, вычеркнули из словенской лингвистики по тем или иным причинам. Таким образом история, которую мы знаем сегодня, не могла быть написана раньше. Традиция Кирилла и Мефодия в Паннонской области не вызывает сомнений. Таковы факты, которые не могут быть опровергнуты, и эта традиция в Прекмуре поддерживается пользователями глаголицы. Когда Мефодий вернулся из плена, Коцля больше не было – история умалчивает о том, что случилось, он просто «исчез из истории». Германское влияние было настолько сильным, что даже несмотря на защиту Папы Мефодий больше не мог оставаться в Паннонской области. Он и его ученики вынуждены были покинуть этот район. Они отступили в двух направлениях – одни на восток в сторону Черного моря и озера Охрид, а другие в сторону хорватских островов и в Истрию. На пример было основано поселение на острове Крк, однако интересно что не Трубар не Далматин не почувствовала этих влияний. В то время как Себастьян Крель родом из западной периферии, там где было много контактов с Истрией, ощутил влияние пользователей глаголицы. Он знал их литературу, читал их тексты, и ясно ощутил эти влияния. И если бы Крель – это только догадки, конечно – прожил дольше, то наверняка смог бы распространить опыт пользователей глаголицы в 16-м века среди словенцев и вполне вероятно, что история о двух формах словенском языке появилась бы еще раньше. А так она появилась только благодаря Штефану Кузмичу – поэтому эта связь через глаголицу и старо-церковнославянский язык была так важна для прекурского литературного языка, а перед этим и для понимания кайкавского альтернативного языка.

Jožef: *Prevajanje Svetega pisma v «stari slovenski jezik»*. Stopinje, 2008, s. 57–61; SMEJ, Jožef: *Jezikovne tvorbe Janaša Kardoša (1801–1875) v njegovem rokopisu Moses i Josua*. In: *Globinska moč besede*. Ed. Marko Jesenšek. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta Univerza v Mariboru, 2011, s. 225–233; SMEJ, Jožef: *Je prekmurščina knjižni jezik ali narečje?* In: *Globinska moč besede*. Ed. Marko Jesenšek. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta Univerza v Mariboru, 2011, s. 26–31. SMEJ, Jožef: *Küzmičevi skriti prevodi Psalmov v Knigi Molitveni 1783*. Slavistična revija 61, 2013, č. 4, s. 557–565. SMEJ, Jožef: *Spremná beseda. Mála biblia z-kejpami*. Reprint. Ed. B. Zadravec. Murska Sobotka: Klar, 2013.

- 23 OROŽEN, Martina: *Prekmurski knjižni jezik*. In: *Prekmurska slovenska slovnica*, Vend nyelvtan. Ed. Marko Jesenšek. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, 2013, s. 413–428; OROŽEN, Martina: *Razvoj slovenske jezikoslovne misli*. Maribor: Filozofska fakulteta, 2003; OROŽEN, Martina: *Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996; OROŽEN, Martina: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996.
- 24 JESENŠEK, Marko: *Prekmuriana. Fejezetek a szlovén nyelv történetéből*. Budapest: Ballasi Kiadó, 2010; JESENŠEK, Marko: *The slovene language in the alpine and panonian language area*. Krakow: Universitas, 2005; JESENŠEK, Marko: *Poglavja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta Univerza v Mariboru, 2013.

В прошлом исследователи словенского языка сосредотачивались в основном на том как представить развитие словенского языка в Альпийском регионе от Бржинских рукописей до Трубара, полностью пренебрегая Паннонским словенским языковым пространством. Вилко Новак был долгое время единственным исследователем, который работал с прекмурским языком и литературой по отношению к центрально-словенскому краньскому языку и хорватскому кайковскому. В своих лингвистических и исторических исследованиях в семидесятых годах 20-го века он показывает, что прекмурский язык является словенским, который в свою очередь является одним из литературных версий паннонских языковых групп. Прежде всего были слишком плохо известны исследования Франа Гривца²⁵ о панонизмах в словенском языке. Словенцы о нем полностью забыли, на что указывает Мартина Орожен, так как лишь в семидесятых годах началось тщательное изучение прекмурского языка. Сегодня никто не может опровергнуть, что в Паннонской области существовала – до «весны наций» в середине 19-го века – языковая область, в которой переплетались три литературных языка: старейший кайкавский, более молодой прекмурский и восточно-штаерский литературные языки.

Контакты между восточно-штаерским и прекмурским литературными языками не были очень тесными, хотя речь идет лишь об одном из восточнословенских литературных языках. Политическое расчленение целостной языковой области, которая была разделена между немецким и венгерским правительством, привела к возникновению различий между языками, что оправдывает разделение восточно-словенского литературного языка на восточно-штаерский и прекмурский литературный язык. Центральный и восточно-словенский литературные языки после несколько десятилетий взаимного языкового приближения объединились таким образом, что словенцев во второй половине 19-го века, то есть триста лет после Трубара, получили единый литературный язык, так называемый новословенский, который был в пятидесятые годы стандартизирован в грамматике Янежича.

Другой взгляд на историю словенского литературного языка (Краньского, прекмурского и восточно-штаерского) это история о двух версиях восточно-словенского литературного языка, исходящего из Паннонского диалекта. В печатном виде они появились довольно поздно, прекмурский с 18 по 20 столетие, а восточно-штаерский с 19 по 20 столетие. Восточно-словенский прекмурский литературный язык имеет очень ясную типологическую грамматику и словесную структуру. Язык нормативно и стилистически сформировался в венгерской культурной среде, а так же в тесных связях с краньцами, кайкавцами и словаками. В Паннонской области сформировалась так же более молодая версия восточно-штаерского языка, которая появилась в области между Дравой и Мурой, которая являлась частью Австрийского (немецкого) административно-политического пространства. В качестве независимого литературного языка эта версия выделяется, в частности на лексическом плане, ее грамматическая структура

25 Смотри сноску 20.

определяется переплетением центрально-словенских и кайкавских влияний. Речь идет о сильной стигматизации, которая в середине 19-го века облегчила объединение словенского литературного языка – и является мостом между крашский и прекмурским языками на пути к единому словенскому языку

Прекмурско-словацкий языковой опыт

Штефан Кузмич, основатель прекмурского литературного языка, в 18 веке перенял опыт словаков в создании словацкого литературного языка и перенес его в словенский Паннонский языковой регион. Сравнение с чешским и словацким языками очень интересно, потому что важные языковые изменения происходили одновременно с нашим. В 18 веке бернолаковци в Словакии были современниками нашего Штефана Кузмича. Людевид Штур, который в 19-м веке стандартизировали словацкий литературный язык, был современником нашего Кошица и немного старше Миклош Кузмича, двух самых важных католических писателей Прекмурья.

Словаки и жители Прекмурья в этнически смешанных странах до 18-го века не могли развивать свою литературную норму, так как Кирилл и Мефодия изгнали из этих краев еще до прибытия венгров, а богатое культурно-языковое наследие старо-церковнославянского языка сменили латинские, немецкие и венгерские тексты. Словаки (угрословаки) и жители Прекмурья (Венгерские словенцы), проживали в объединенном Венгерском государстве, которое не способствовало продвижению их национальных интересов. Жители Прекмурья как правило продолжали обучение после получения высшего образования в Германии, в Шопроне и Братиславе. Именно лицей Братиславы ознакомил прекмурских протестантов со Словацкой (церковной) языковой традицией и со всеми усилиями по созданию словацкого литературного языка. Братиславский лицей в 18. веке был знаменитой пиетистической школой, а в Братиславской евангельской церкви проповедовали и на других иностранных языках, в том числе и на словенском. Самый известный прекмурский ученик в Братиславе был Штефан Кузмич, который там ознакомился с чешским языком под сильным влиянием словацкого, который был в первой половине 18-го века, особенно популярен в кругу Матея Бела и Даниэла Крмана – Павл Долежал стандартизировал этот язык в 1746 в словацко-чешской грамматике с которой был знаком и Штефан Кузмич. Словаки также хорошо знали работы Штефана Кузмича поскольку, например Самуэль Вильгельм Серпелиус финансировал выпуск его книг, а Юр Рибайуже в 1787 году обратил внимание Добровскего на язык прекмурских словенцев и достал для него книги Кузмича «*Vöre krsztanszke kratki nauku Nouvi Zakon*». Словацкие покровители финансировали и издания первых прекмурских протестантских псалтырей (*Nouvi Graduval*) и переизданию «*Szlovenszkega abecedaria*» и «*Malega katechismusa*», которые вероятно подготовил Михал Бакош, преемника Кузмича в Шурду.²⁶

26 JESENŠEK, Marko: *Stične točke pri oblikovanju slovaškega in slovenskega (prekmurskega) knjižnega jezika.*

Словенский протестанты и католики в Прекмурье иначе чувствовали разницу между центральным краньским и восточно-прекмурским языками, но в те смутные времена 19 века понимали, что объединение словенцев в одной стране или под одной короной возможно только на основе единого языка. В первой половине 19-го века ознаменованной романтизмом, романтический взгляд языка установил интересную формулу: языковое единство равно политическому единству. Языковое единство являлось необходимым условием для этнической унификации, политического единства и единой письменности, а так же необходимым условием обретения независимости Словении и государственности. Таким образом прекмурские словенцы решили объединить словенские языковые версии, чтобы это языковое единство объединило и все словенцев. Словаки решили иначе – мы словенцы тогда языково- и этнически объединились, а чехи и словаки выбрали (в том числе и в плане языка) каждый свой путь. Краньцы и прекмурцы правильно поняли романтическую идею, согласно которой язык был объединяющим элементом. И хорошо, что эта идея возобладавала.

Прекурский литературный язык имел два этапа развития: (1) его стандартизировал Штефан Кузмич в знаменитом переводе «*Nouvega Zakona*» в 1771 году, сознательно используя «над-диалектальную» форму равенских и горишких фонетических, морфологических и синтаксических особенностей. При этом он ориентировался на протестантов из Центральной Словении (Трубара, Креля, Далматана, Бохорича), которые в 16 веке стандартизировали центрально-словенский литературный язык в качестве «над-диалектального» образования гореньской, доленьской, а так же Люблянкой речи, в то же время Кузмич ориентировался и на словаков Бернолака и Штура, которые при стандартизации словацкого литературного языка также решили в пользу интердиалекта; (2) второй этап в развитии прекмурского литературного языка отличается от языковой ситуации в Словакии, где штуровцы сформировали литературный словацкий язык как язык одного из славянских народов. В Прекмурье развитие происходило иначе. Жители Прекмурья никогда не были отдельным славянским народом, так что первая половина 19-го века в истории словенского литературного языка означает период конвергенции между центральным и восточно-словенским литературным языками, который завершился в середине века объединением словенского литературного языка и переходом прекмурского языка в рамки диалекта.

Разница между языком Трубара и Кузмича

Различия между краньским языком Трубара и прекмурской литературной нормой Кузмича отражены в следующих отношениях: (1) литературная норма Трубара имеет основы в Словенском Альпийском регионе, а Кузмича в Пан-

In: Materiály z Mezinárodnej vedeckej konferencie Slovinsko-slovenské jazykové, literárne a kultúrne vzťahy. Ed. Marta Pančíková. Bratislava: Univerzita Komenského, 2001, s. 133–140.

нонской языковой традиции, (2) На язык и стиль Трубар повлияло Возрождение, а на Кузмича мысли и идеи Просвещения, (3) Трубар переводил «Библию» из немецкого на латынь, а Кузмич из греческого, Кузмич был знаком с венгерскими текстами, кайковскими текстами и текстами Далматина, (4) Для обоих характерно преодоление зависимости от оригинала и синтаксическая независимость, (5) Трубар переводил более духом, чем буквой, Кузмич более следил за точностью перевода, (6) Языковой концепт Трубака синхронен, а Кузмича более диахронен посредством архаичных фонологических, морфологических и синтаксических решений, (7) Трубар в 16-м веке встречался с латынью как языком культуры и с немецким языком как языком государства, в то время как крайнему языку еще предстояло бороться за статус второго государственного языка и особенно языка церкви; в Венгрии латынь в 18-м веке имела статус административного языка, а венгерский главного и государственного, в то время как прекмурский язык была провинциальным языком общения между жителями Мурьи Раба, а кайковский альтернативным языком в церкви, (8) Трубар опирался на городскую речь Любляне, в который жило около 4000 жителей, в Прекмурьево времена Кузмича не было ни городов, ни граждан, (9) Трубар хотел быть понятным для всех словенцев, Кузмич хотел сознательно отличаться (в отношении к кайкавскому и центрально-словенскому языкам), вероятно движимый идеей независимого литературного языка и следуя примеру бернолаковцев в Словакии, (10) Трубар признавал краньски диалект как естественную связь между словенцами в центральной части, но не учитывал северо-восточную территорию Словении. Кузмич предложил прекмурским словенцам по образцу Трубара равенско-горишкую над-диалектальную основу как объединяющую языковую нить, в то время как восточно-штаерский язык Петра Данька был в первой половине 19-го века промежуточной ступенью, своего рода мостом, между центрально-словенским и прекмурским литературными языками, служащим более легкой конвергенции и объединению двух словенских языковых версий литературного языка, (11) Трубар был вынужден создавать новые слова, особенно термины, и формировать новые выражения. Своим гибким языком он успешно следовал требованиям Лютера добиться максимально возможной ясности. Кузмич в Прекмурье не был вынужден создавать ничего принципиально нового. Забытые «*Agenda Vandalica*» и обширный песенник «*Martjanska pesmarica*», открывали намного больше возможностей, чем социально-жанрово скромные *Stiški* рукописи, а более двухсотлетняя разница между ним и Трубаром и бурное развитие словенского языка предоставили Кузмичу возможности для разнообразных способов выражения, а так же высшую качественную степень выражения.²⁷

27 JESENŠEK, Marko: *Trubarjeva in Kuzmičeva različica slovenskega knjižnega jezika*. Slavistična revija 56–57, 2009, č. 4/1, s. 199–209.

На пути к единой словенской литературной норме

И в конце еще вопрос, который возникает в связи с почти одновременными переводами «Библии» на прекмурский язык (Кузмич, 1771) и краньский язык (Дж Япель, 1784). Как бы развивался словенский язык, если бы Япель в Любляне был знаком с переводом Кузмича? Как бы язык Кузмичевого «*Nouvega zakona*» повлиял на краньских переводчиков? Могли ли объединение словенских литературных норм возникнуть уже во время краньского перевода «Библии»? В центральной части Словении и не знали перевода Кузмича из греческого оригинала и только в начале 19-го века он получил известность благодаря первому профессору чешского языка и литературы в Венском университете и цензору славянских издания Жозефу Валентину Злобичкому. «*Nouvega zakona*» попал в руки Копитара в 1771 году. Он ценил его как хороший перевод и даже рекомендовал его в качестве помощи при решении некоторых вопросов словенского языка. Жаль, что Япель не был знаком с этим переводом, когда ровно двести лет после Далматинготовилновый перевод «*Nove zaveze*» (1884).

Далматинова «Библия» была монументальной работой – это не только религиозный текст, но и языковое руководство, сохранившееся на протяжении целых двухсот лет. Все, кто писали на центральном языке, искали ответы в переводе Далматина. Однако в течении двух сотен лет язык сильно изменился и во второй половине 18-го века стало ясно, что Далматин не всегда может быть надежным источником информации. Над переводом должен был изначально работать Похлин, который ожидал, что будет переводить «Библию», однако усилиями зойсовцов перевод достался Юрию Япелю. Япель не переводил сам как допустим Далматин, ему помогала целая группа помощников, а он сам сделал окончательную редакцию. Я думаю, что этот перевод сделанный двести лет спустя после Далматин (1784) являлся не качественно новым, самостоятельным переводом, а в первую очередь обновлением языка Далматаина²⁸ на основе *vulgate*, немецкой «Библии» Росалина, которая была в то время в Европе наиболее распространенной и Словенского Далматинового переводов из 1584. Современники обвиняли Япеля в частности в том, что он слишком сильно опирался на Далматина. Япель исправил большинство германизмов Далматина, однако в своем переводе употребил другие германизмы, которые были в ходу в Словении в конце 18-го века. Вероятно с помощью германизмов из повседневной речи Япель хотел приблизить язык «Библии» живому языку словенцев. Очевидно, Япель не хотел переводить на язык, знакомый лишь узкой группы интеллектуалов, но использовать живой язык, на котором люди тогда говорили. Япель подписался под *Novo zavezo*, однако при переводе «*Stari zavezi*» более не смел участвовать.

Остается важным вопрос, почему переводы Кузмича и Япеля настолько различны, что мы можем говорить о центральном и восточно-словенском перево-

28 OROŽEN, Martina: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996, s. 251–269.

дах «Библии». Католик Япель переводил из *vulgate*, а протестант Штефан Кузмич из оригинала, то есть непосредственно с греческого. При переводе с оригинала синтаксис сильно отличается, приводя к разнообразным языковым решениям. И прекмурский словенский язык, архаичный, и все же «чистой Словенский» вдохновил Копитара. Кузмич еще использовал структуры деепричастий на -č и -ši с глаголами в настоящем и прошедшем времени. Это правда, что эти структуры в Прекмуре не употребляли, но они остались интересными архаизмами, которые существовали так же в старо-церковнославянском языке, в то время как в краньском языке были почти полностью утеряны. Копитар видел в этом преимущество в развитии словенского прекмурского языка в Паннонской области, прямую связь с древнейшим южно-славянским языком, которая в краньском языке из-за сильной диалектной дифференциации была почти полностью утеряна. Тут нужно добавить, что деепричастия являются синтаксическими конденсаторами, которые сокращают сложноподчиненные предложения. Копитар и Чоп начали распространять знание о прекмурском языке и Кузмичевом переводе «Нового завета» в Словенском Краньском регионе. В 1815 перевод попал в руки епископа Равникара из Триеста, который был в то время готовил Библейские истории для молодых людей. Он читал Кузмича и вдохновившись вышеуказанными деепричастиями на -č и -ši, записал во введении²⁹: «*Nektirega izrečovanja pa tudi ne smém tajiti, de res po Krajnskim ni kaj navadno, postavim, kadar pišem: te bukve zbrauš bom kmalo druge dobil, namest reči: po tem, kadar bom te bukve zbral, bom kmalo druge dobil. Jurja življenje mi oteušiga bom z' vsim preskerbel, namesti reči: Jurja, ktiri mi je življenje otel, bom z' vsim preskerbel. Andreju toljko hudiga prebivšimu se bolj zdaj godi, namest reči: Andreju, ktiri je toljko hudiga prebil, se bolj zdaj godi. Take izrečovanja, pravim, res niso kaj zlo po Krajnskim v' navadi. Pa v' duhu so Krajnskiga jezika, tako govore vsi drugi slovinci, tako so naši krajnski spredniki vsi govorili, kar se iz starih nekdanjih krajnskih bukvu pokaže, tako je sveti Ciril pred devetimi vekmi ali devet sto letmi že pisal v' našim jeziku. Tako govore in pišejo še zdaj kmalo unkraj Štajerskiga. Tako so zadnič sploh začeli pisati tudi po Koróškim in po Štajerskim; in pousot je to prav, zakaj bi le nam Krajncam ne bilo? Krajnska beseda se tako grozno lepo okrajša, in kar je še več vredno, je dobičik, de bomo sčasama tudi drujih slovincov bukve lohka vumevali, in naše oni. Iz Pemsčkiga, iz Duneja, od vsih krajov nas Krajnce hvalijo zavolo tega. Zakaj bol skerbe drugi slovinci za nas in naše besede lepoto, kakor mi sami za-se. Ni kaj lepo to, pa res je. Pa zmiraj ne sme biti taka. Vsaki narod, kadar se začne nekoljko otesavati, začne to per svoji domači besedi, de jo očedi. Ako tedaj tudi mi tako storimo, ktiri pametni Krajnc bo marnje delal? Tega braniti se pravi Krajnce v' nič tlačiti, in pot jim do veči vuma zaferati. Mene tega Bog vari! Ne le vam, otroci in mladenči! ampak tudi odrašenim Krajncam sim to le hotel povedati.»*

Равникар был первым, кто в церковных текстах *Zgodbe Svetega pisma za mlade* употребил эти языковые формы. Однако он совершил ошибку, так как в Краньской области эти деепричастия были не знакомы. Деепричастия на -ši употребляются с глаголами в прошедшем времени, например: *Vstopivši v razred je pozdravil*

29 RAVNIKAR, Matevž: *Predgovor. Zgodbe svetiga pisma za mlade ljudi*. Iz nemškiga prestavil Matevž Ravnikar, desete šole cesarsek kraljev vučenik. Pervi del. Zgodbe stariga zakona. V Ljubljani, 1815.

(«najprej je vstopil, potem je pozdravil»), а деепричастия на -č, с глаголами в настоящем времени: *Stopajoč v razred je pozdravil* («medtem ko vstopa, pozdravlja»).

Это лингвистический принцип был Равникару не знаком и все смешалось: деепричастия на -ši он употреблял с глаголами в настоящем времени или с глаголами несовершенного вида, что является грамматически неправильным. Штефан Кузмич в «*Nouvet zakonu*» не сделал ни одной ошибки и не перепутал не одной формы. Ни в одном примере деепричастия на -ši у Кузмича не употребляется с глаголами в настоящем времени. Равникар все перепутал и на эту тему Прешерн написал свое знаменитое «*Slovencev jezik potujčvauši, si kriv, da kolne kmet, molitve bravši*», в котором выразил двойную иронию: употребив деепричастия, которые вызывали недоумение, а так же указав на их неправильное использование. Прешерн намеренно использовал деепричастия на -ši, хотя в комбинации с глаголами в настоящем времени должен был использовать деепричастие на -č (*potujčujoč, beroč*). Неправильное использование деепричастий поправил Метелко³⁰ в грамматике в 1825 году. Что является наиболее интересным, деепричастия на -ši вскоре стали модными и очень распространенным в литературном языке – в словенском романтическом реализме, особенно в работах Юршича и Лествика, которые использовали эти конструкции, потому что они были частью стандартизированной грамматики Янжича. Все, кто писали, должны были их использовать, так как они являлись признаком высокой грамотности.³¹

Япель был не знаком с переводом Кузмича. Если бы это было иначе, вероятно, основной тип язык начал еще тогда развиваться в другом направлении. «*Библия*» не может переводиться каждый год и поскольку краньчаны только после того как вышел перевод Библии Япеля узнали о существовании перевода Кузмича, одновременное употребление прекмурского словенского языка при переводе «*Библии*» на краньский язык было невозможным.

Период первой половины 19-го века стал временем приближения и взаимного смешения прекмурской и центрально-словенской литературной нормы. История с деепричастиями на -ši это часть этого сближения. Форма, которая более не существовала в живой речи, была принята широкой публикой под влиянием прекмурского литературного языка. Переплетения обоих языков уквазывают на то, как обе литературные нормы сближались и во конце концов объединились в середине 19-го века.

Сегодня в словенской лингвистике наконец-то признается, что прекмурские тексты 18 и 19-го веков написаны не на диалекте, а на литературном языке, который на протяжении почти двухсотлетия спользовался одновременно с центральным литературным языком, отличался от него, приближался и отдалялся от кайковского языка и в середине 19-го века объединился с центральным литературным языком в единый словенский литературный язык.

30 METELKO, Franc Serafin: *Lehygebäude der slowenischen Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen*. Ljubljana, 1825.

31 JESENŠEK, Marko: *Deležniki in deležja na -č in -ši. Razširjenost oblik v slovenskem knjižnem jeziku 19. stoletja*. Maribor: Slavistično društvo Maribor, 1998.

Заключение

Различные точки зрения на историю словенского литературного языка предопределяют следующие выводы: (1) На Словенской территории до середины 19-го века существовали две литературные нормы: центральный (так называемый крайнский язык) и восточно-словенский (прекмурский и восточно-штаерский) литературные языки. Первую языковую форму стандартизировали словенские протестанты в 16 веке, Примож Трубар, Себастьян Крель, Юрий Далматин, Адам Бохорич, в то время как вторая форма была стандартизирована в 18 веке в текстах прекмурских протестантов, Ференца Темлина, Михаэля Севера, Штефана Кузмича, а так же в первой половине 19-го века в работах прекмурских и восточно-штаерских католиков Миклоша Кузмича, Джозефа Кошице, Йозефа Боровняка, Петра Данько, Антона Шерфа, Вида Рижнера. (2) Двойственность словенской литературной нормы является последствием влияний Альпийского (карантийского) и Паннонского культурного-исторического и языково-географического влияний. Центральнo-словенский литературный язык сформировался в Альпийском, Восточнословенском и Паннонском регионах. (3) Прекмурские протестантские писатели в 18 века сформировали свой литературный язык таким же образом, как Трубар и его сторонники в 16 веке сформировали центрально-словенский; в работах Штефана Кузмича это отображается в виде твердо сформированной языковой нормы, которая намерено выходит за рамки долинской, равенской и горичкой (порабской) речи, образуя «над-диалектную» языковую конструкцию, которая приняла во внимание языковые образцы предыдущих текстов. (4) На развитие прекмурского языка повлияло церковно-административное разделение между двумя епархиями. Южные прекмурские приходы всегда были преимущественно католическими и принадлежали к епархии Загребе с 1094 года. В то время как северная часть Прекмутье с центром в Мурской Соботе и сегодняшнем Порабье были включены в Гьорски епархии, которые долгое время были центром протестантского движения. В 1777 году, прекмурские словенцы в Венгрии впервые объединились. Правда только церкви, когда территория епархии Гьор расколась и была основана новая епархия в Сомбателе, которая объединила словенцев из Загреба и Гьорской епархии. Для протестантов и католиков это означало возможность перевода и издания книг на прекмурском языке. (5) центрально – и восточно-словенский литературный языки объединились в единый новословенский или единый словенский литературный язык в 19 веке, когда во время «весны наций» была выдвинута идея о объединении всех словенцев. Романтическая идея нации приравнивала национальные вопросы к языковым вопросам. Объединение словенского литературного языка в 19 веке стало как языковым так и политическим вопросом, который еще более заострился во второй половине 19-го века во время так называемого «taborskega gibanja»,³² политических собраний с целью объединения

32 JESENŠEK, Marko: *Slovenski jezik od malonedeljske besede do ljutomerskega tabora*. Časopis za zgodovino in narodopisje 79, 2008, č. 1–2, s. 146–160.

Словении и продвижению словенского языка в администрации и в школах. В решающие моменты словенской истории вопрос о языке всегда был самым важным и появлялся на баррикадах словенскости – направляя путь словенских политиков и определяя границы словенской государственности, что отражается и в период протестантизма и формирования первой словенской (Краньской) литературной нормы, и в 18-м века во время формирования прекурского литературного языка, и в 19 веке во время Весны народов и создание словенского национального самосознания и единого словенского литературного языка, который окончательно укрепился в майской декларации 1917 года, и в конце Первой мировой войны, когда Прекмуре присоединилось к Словении.³³

Прекурский литературный язык не является языком периферии. Речь идет о двойном развитии словенского языка, хотя Чоп и Прешерн исходили из идеи объединения литературного языка в языковой элитизм, который признавал лишь центрально-словенскую литературную норму как единственную правильную. Языковое ядро должно было бы дать языку постоянную основу, поэтому, в частности Прешерн не признавал разделения на регионы, основывая на принципе, что все центральное является также литературным и стандартизированным. Паннонскую языковую традицию он отождествлял с языковым партикуляризмом, а центральную литературную традицию принимал как общенациональную. Это было неправильным пониманием и интерпретацией языковой ситуации в Словении, которая признавала только языковую традицию Альпийского региона, в то время как Паннонская традиция была полностью маргинализована. Языковая концепция Чопа в своей крайней односторонности предопределила изоляцию языка, которая после смерти Чопа и благодаря неприятию Прешерном всего того, что исходило из словенского северо-восточного языкового региона, оттолкнула Станка Врза от словенского языка и приблизила его к илирийцам и Людовиту Гаю.

Затон прекурского литературного языка связан с культурным и языковым объединением словенцев появлением так называемого новословенского языка, который не является языком не только Трубара и Копитара или Прешерна, но так же языком Штефана и Миклошича Кузмича, Боровняка, Иваноцуя, Клекла или Данько. Речь идет о едином литературном языке словенского центра и периферии. Поскольку в Словении до середины 19-го века существовало два литературных языка, прекурская литературная традиция предыдущих веков является неотъемлемой частью развития словенского языка и литературы.

Сегодня в нашей лингвистике наконец признается, что прекурские тексты 18 и 19-го века написаны не на диалекте, а на литературном языке, который на протяжении почти двухсот лет использовался наравне с центрально-словенским литературным языком, отличался от него, приближался и отдалялся от

33 JESENŠEK, Marko: *Prekmuriana. Fejezetek a szlovén nyelv történetéből*. Budapest: Ballasi Kiadó, 2010; JESENŠEK, Marko: *Poglavja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika*. Maribor: Mednarodna založba Oddeka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta Univerza v Mariboru, 2013.

кайковского языка и в середине 19-го века объединился с центрально-словенским литературным языком в единый словенский литературный язык.

Литература

AHAČIČ, Kozma: *Zgodovina misli o jeziku in književnosti na Slovenskem: protestantizem*. Ljubljana: ZRC SAZU, 2007.

ČEBULJ, Regalat: *Janzenizem na Slovenskem in frančiškani: doneski h kulturni zgodovini Slovencev*. Ljubljana: Frančiškanska provincija Slovenije, 1923.

DALMATIN, Jurij: *Bibiliija, tu je vse svetu pismu stariga inu noviga testamenta, slovenski tolmačena skuzi Jurija Dalmatina*. Wittenberg, 1584.

GRIVEC, Fran: *Frisingsia I–IV*. Slavistična revija III, 1950, č. 107–124. *Frisingsia V*. Slavistična revija III, 1950, s. 419–420.

GRIVEC, Fran: *Frisingsia VI*. Slavistična revija IV, 1951, s. 71–76.

GRIVEC, Fran: *Frisingsia VII*. Slavistična revija VIII, 1955, s. 169–182.

GRIVEC, Fran: *Frisingsia VII*. Slovo IX–X, 1960, č. 221–222.

JESENŠEK, Marko: *Graz und die oststeirische slowenische Sprachnorm in der 1. Hälfte des 19. Jahrhunderts*. In: *Slowenen und Graz = Gradec in Slovenci*. Internationaler Tagung Graz und Slowenen II. Eds. Ludvik Karničar. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz 2014, s. 251–266.

JESENŠEK, Marko: *Poglavja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta Univerza v Mariboru, 2013.

JESENŠEK, Marko: *Razvojno-zgodovinska dinamika slovenskega jezika*. In: *Filologija i univerzitet: tematski zbornik radova*. Eds. Bojana Dimitrijević. Niš: Biblioteka Naučni skupovi, 2012, č. 1, s. 932–943.

JESENŠEK, Marko: *Osrednje- in vzhodnoslovenski knjižni jezik – med alpsko in panonsko slovenščino*. In: *Globinska moč besede : red. prof. dr. Martini Orožen ob 80-letnici*. Eds. Marko Jesenšek. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta Univerza v Mariboru 2011, 234–250.

JESENŠEK Marko: *Dvojnični razvoj slovenskega jezika v alpskem in panonskem jezikovnem okolju*. *Studia slavica*, 2011, č. 15, s. 193–201.

JESENŠEK, Marko: *Prekmuriana. Fejezetek a szlovén nyelv történetéből*. Budapest: Ballasi Kiadó, 2010.

JESENŠEK, Marko: *Slovene standard language between the centre and the periphery*. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 55, 2010, č. 2, s. 279–287.

JESENŠEK, Marko: *Nastanek in razvoj vzhodnoštajerskega knjižnega jezika*. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 45, 2009, č. 1, s. 93–112.

JESENŠEK, Marko: *Trubarjeva in Kuzmičeva različica slovenskega knjižnega jezika*. *Slavistična revija* 56–57, 2009, č. 1–4, s. 199–209.

JESENŠEK, Marko: *Slovenski jezik od malonedeljske besede do ljutomerskega tabora*. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 79, 2008, 44, č. 1–2, s. 146–160.

JESENŠEK, Marko: *Razvoj slovenskega knjižnega jezika*. In: *Jezikovna predanost*. Eds. Marko Jesenšek – Zinka Zorko. Maribor: Slavistično društvo Maribor, SAZU Ljubljana 2006, s. 590–597.

- JESENŠEK, Marko: *The Slovene Language in the Alpine and Pannonian Language Area*. Krakow: Universitas, 2005.
- JESENŠEK, Marko: *Stične točke pri oblikovanju slovaškega in slovenskega (prekmurskega) knjižnega jezika*. In: *Materiály z Mezinárodnej vedeckej konferencie „Slovinsko-slovenské jazykové, literárne a kultúrne vzťahy“*. Eds. Marta Pančíková. Bratislava: Univerzita Komenského 2001, s. 133–140.
- JESENŠEK, Marko: *Deležniki in deležja na -č in -ši. Razširjenost oblik v slovenskem knjižnem jeziku 19. stoletja*. Maribor: Slavistično društvo Maribor, 1998.
- KOŠIČ, Jožef: *Zobrizzani Szloven i Szlovenka med Múrov i Rábov*. Kormendin, 1845–1848.
- KÜZMIČ, Mikloš: *Krátka summa velikoga katekizmussa*. Šopron, 1780.
- KÜZMIČ, Mikloš: *Szvéti evangyeliomi*. Šopron, 1780.
- KÜZMIČ, Mikloš: *Kniga Molitvena, na haszek Szlovénszkoga národa*. Šopron, 1783.
- KÜZMIČ, Števan: *Vöre krsztsánszke krátke návuk csiszte rejcsi Bo'ze vözebráni i na nyou*. V Halli, 1754.
- KÜZMIČ, Števan: *Nouvi zákon ali testamentom goszpodna nasega Jezusa Krisztusa zdaj opróics zgrcskoga na sztári szlovenszki jezik obrnyeni po Stevan Küzmicsi surdanzskom*. F. v Halli Saxonskoj, 1771.
- MERŠE, Majda: *Slovenski knjižni jezik 16. stoletja*. Ljubljana: ZRC SAZU, 2009.
- METELKO, Franc Serafin: *Lehrgebäude der slovenischen Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen*. Ljubljana, 1825.
- NN: *Abeczedarium Szlovenszko, za Drobno Detzo, von fzpüscheno*. V-leti 1725.
- NOVAK, Vilko: *O slogu prve prekmurske knjige*. Slavistična revija 17, 1969, č. 2, s. 227–232.
- NOVAK, Vilko: *Martjanska pesmarica I*. Ljubljana: Založba ZRC, 1997.
- NOVAK, Vilko: *Izbor prekmurskega slovstva*. Ljubljana: Zadruga katoliških duhovnikov 1976.
- NOVAK, Vilko: *Kajkavske prvine v prekmurski knjigi 18. stoletja*. Slavistična revija 20, 1972, č. 1, s. 95–103.
- OROŽEN, Martina: *Prekmurski knjižni jezik*. In: *Prekmurska slovenska slovnica*, Vend nyelvtan. Eds. Marko Jesenšek. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, 2013, s. 413–428.
- OROŽEN, Martina: *Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, 2010.
- OROŽEN, Martina: *Razvoj slovenske jezikoslovne misli*. Maribor: Filozofska fakulteta, 2003.
- OROŽEN, Martina: *Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996.
- OROŽEN, Martina: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996.
- RAJHMAN, Jože: *Prva slovenska knjiga v luči teoloških, literarno-zgodovinskih, jezikovnih in zgodovinskih raziskav*. Ljubljana: Partizanska knjiga, 1977.
- RAVNIKAR, Matevž: *Predgovor. Zgodbe svetiga pisma za mlade ljudi*. Iz nemškiga prestavil Matevž Ravnikar, desete šole cesarske kraljeve vučenic. Pervi del. Zgodbe stariga zakona. V Ljubljani, 1815.
- RIGLER, Jakob: *Začetki slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1968.
- SEVER, Mihael: *Red zvelicsansztva*. V-Halli Saxonszkoj, 1747.
- SMEJ, Jožef: *Se je Mikloš Küzmič v svojem prevodu evangyeliomov res naslanjal na Štefana Küzmiča?* Slavistična revija 45, 1997, č. 3–4, s. 533–544.

- SMEJ, Jožef: *Nouvi zákon Števana Küzmiča (1771) v luči sodobnega ekumenizma*. Bogoslovni vestnik 64, 2004, č. 2, s. 31–342.
- SMEJ, Jožef: *O prevodih psalmov v prekmurščino od Martjanske pesmarice II do Pusztaijeve pesmarice 1893*. Slavistična revija 53, 2005, s. 211–227.
- SMEJ, Jožef: *Prevajanje Svetega pisma v »stari slovenski jezik«*. Stopinje 2008, s. 57–61.
- SMEJ, Jožef: *Jezikovne tvorbe Janoša Kardoša (1801–1875) v njegovem rokopisu Moses i Josua*. In: Globinska moč besede. Eds. Marko Jesenšek. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta Univerza v Mariboru 2011, 225–233.
- SMEJ, Jožef: *Je prekmurščina knjižni jezik ali narečje?* In: Globinska moč besede. Eds. Marko Jesenšek. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta Univerza v Mariboru, 2011, 26–31.
- SMEJ, Jožef: *Küzmičevi skriti prevodi Psalmov v Knigi Molitveni 1783*. Slavistična revija 61, 2013, č. 4, s. 557–565.
- SMEJ, Jožef: *Spremna beseda. Mála biblia z-kejpami*. Reprint. Eds. B. Zadavec. Murska Sobota: Klar, 2013.
- ŠKAFAR, Ivan: *Bibliografija prekmurskih tiskov od 1715–1919*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1978.
- TEMLIN, Ferenc: *Mali Katechismus*. V-Saxoniii v-mesztli Halle, 1715.
- TOMŠIČ, France: *Razvoj slovenskega knjižnega jezika*. In: Zgodovina slovenskega slovstva. I Do začetkov romantike. Eds. Lino Legiša s sodelovanjem Alfonza Gspana. Ljubljana: Slovenska Matica, 1956.
- TOPORIŠIČ, Jože: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1992.
- TRUBAR, Primož: *Catechismus in der windischenn Sprach*, 1550.
- TRUBAR, Primož: *Abecedarium und der klein Catechismus in der Windischen Sprach*, 1550.
- VRATUŠA, Anton: *Jezikovne razmere v severnem Prekmurju in slovenskem Porabju*. Slovenski jezik 2, 1939, s. 213–228.
- VRATUŠA, Anton: *Jezikovne razmere v severnem Prekmurju in slovenskem Porabju*. In: Panonski zbornik. Murska Sobota: Pomurska založba, 1966, s. 20–28.
- VRATUŠA, Anton: *Jezik »Nouvoga zákona« in »Svéti evangyeliomov«*. In: Zbornik Štefana Küzmiča. Gradivo s simpozija od 250-letnici. Pomurska založba: Murska Sobota, 1974, s. 54–75.

Prevedla doc. ddr. Natalia Kaloh Vid

профессор др. Марко Есеншек

Филологический факультет, Университет г. Марибор
 Корошкая улица 160, 2000 Марибор, Словения
 marko.jesensek@um.si

